

# ПРОТАГОР И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

В. В. БРОВКИН

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)

vbrovkin1980@gmail.com

---

VLADIMIR BROVKIN

Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk, Russia

PROTAGORAS AND DEMOCRATIC THOUGHT

**ABSTRACT.** This article examines Protagoras' views on democracy. It establishes that two opposing tendencies are discernible in Protagoras's statements. The first tendency can be called democratic. Protagoras delivers a speech defending the proposition that all people are subject to shame and justice, making them equal participants in political life. In this way, Protagoras defends one of the fundamental characteristics of ancient Greek democracy: political equality. His close association with the leader of Athenian democracy, Pericles, and his possible participation in the legislation of the Thuri also support this democratic tendency in Protagoras's views. The second tendency is anti-democratic. This tendency is supported by a number of Protagoras' arrogant statements about the people, characteristic of opponents of democracy. Furthermore, Protagoras's professional activity, aimed at training influential politicians, was ill-suited to the principle of democratic equality. Under democracy, the people, envying and resenting all politicians who rose above them, subjected them to repression through various procedures (ostracism).

**KEYWORDS:** Protagoras, democratic tendency, anti-democratic tendency, equality, people, ostracism.

---

## Введение

В данной статье мы рассмотрим вопрос об отношении Протагора к демократии. По данному вопросу в научных кругах сложились две основные точки зрения. Сторонники традиционной и наиболее распространенной точки зрения рассматривают Протагора в качестве видного теоретика древнегреческой демократии. Так, Г. Б. Керферд пишет, что «теория Протагора заключалась в защите поведения афинской демократии и основывалась на утверждении, что каждый гражданин может внести свой потенциально ценный вклад в обсуждение моральных и политических вопросов» (Kerferd 1981, 146–147). По мнению С. Фаррар, Протагор был «первым демократическим политическим теоретиком в истории мира» (Farrar 1988, 77). Как отмечает

С. Фаррар, «общество, которое он анализировал, представляло собой демократию прямого участия, которая включала даже самых бедных жителей Атики» (ibid. 77). Для демократических взглядов Протагора характерно представление о том, что «максимально возможное развитие всех индивидов зависит от существования политического сообщества, все члены которого проявляют *aidos* и *dike* и участвуют в политике» (ibid. 96).

Как полагает Р. Бэлот, Протагор отстаивает демократическую точку зрения, «согласно которой все граждане обладают (примерно) равной способностью участвовать в политических дискуссиях» (Balot 2006, 76). Миф Протагора «иллюстрирует эгалитарную основу приверженности афинян свободе слова и обосновывает этот эгалитаризм общим чувством уважения и справедливости граждан» (ibid.). При этом, «теория Протагора в значительной степени способствует как обоснованию эгалитаризма, так и объяснению того, как демократических лидеров можно было бы обучить управлению системой, не ставя под угрозу лежащее в основе демократии равенство» (ibid. 78). А. К. Бергер полагает, что в основе всего мировоззрения Протагора лежит глубоко демократическое представление о равенстве между людьми: «Идея гражданского равенства на самой широкой основе определяла его концепцию государства» (Бергер 1966, 207). А. К. Бергер заключает, что Протагор «был одним из основоположников представления о демократическом государстве как о категории, имманентно свойственной всему человечеству» (там же). Согласно В. С. Нерсисянцу, «Протагор энергично отстаивает принципы справедливости, законности и государственного порядка в качестве объективных ценностей, причем именно демократическая форма реализации этих принципов соответствует собственным представлениям Протагора об истинном и полезном» (Нерсисянец 1979, 101). В. С. Нерсисянец продолжает: «Протагоровское обучение политическому искусству было просветительской пропагандой демократических идей и ценностей» (там же).

В то же время, в научной литературе можно встретить мнение о том, что политические взгляды Протагора были менее однозначными. Сторонники данной точки выражают сомнение в приверженности Протагора демократическим идеалам. Р. К. Бартлетт обращает внимание на противоположные высказывания Протагора о демократии. В начале диалога с Сократом Протагор говорит о том, что «"многие [*hoi polloi*] как бы ничего не понимают" (317a4–5) – неуместное заявление в демократических Афинах» (Bartlett 2016, 102). Но далее, Протагор утверждает, что «практика демократических Афин даже лучше и разумнее, как по религиозным, так и по другим основаниям, чем говорил Сократ» (ibid. 102–103). Т. А. Синклер придерживается точки зрения, согласно которой о политических предпочтениях Протагора нельзя сказать

ничего определенного. Т. А. Синклер пишет: «Мы не можем сказать, какой ответ он дал бы на избитый вопрос: что лучше – монархия, олигархия или демократия? Вероятно, он отказался бы отвечать на него в такой форме, но он без труда привёл бы аргументы в пользу всех трёх» (Sinclair 1967, 59). Т. А. Синклер полагает, что Протагор «не давал никаких советов относительно конституций», по его мнению, «важна не форма правления, а люди, создающие полис» (ibid. 60). Главная мысль Протагора заключалась в том, что «политическая добродетель основана на моральной добродетели» (ibid. 60).

Ф. Розен полагает, что «Великую речь» Протагора не следует рассматривать в качестве обоснования демократии. Согласно Ф. Розену, утверждение Протагора о том, что «добродетель поддается обучению, является универсальным утверждением, применимым во всех государствах» (Rosen 1994, 26). Протагор «также не развивает эгалитарный и демократический аргумент, а отвечает на вопрос о возможности обучения добродетели, который уже был изложен Сократом» (ibid.). П. П. Николсон полагает, что «хотя существует связь между аргументами Протагора и демократией, есть веские причины отрицать, что их можно просто рассматривать как оправдание афинской демократии» (Nicholson 1981, 14). По мнению П. П. Николсона, во-первых, большинство отличительных черт демократии не упоминаются Протагором. Во-вторых, «Протагор не говорит о чем-то специфическом для Афин или для демократии, а о чем-то, что встречается в каждой системе управления» (ibid. 18). В-третьих, на основе «Теэтета» можно сказать, что «Протагор не может, последовательно с его релятивизмом, утверждать, что демократия или любая форма правления является лучшей (наиболее справедливой) конституцией» (ibid. 19). М. Нилл допускает защиту демократии Протагором. Но эта защита должна была быть основана не на тех аргументах, которые приводятся в «Великой речи» Протагора. Выступление Протагора в одноименном диалоге Платона «в целом не может рассматриваться как защита демократии или, если уж на то пошло, какой-либо конкретной политической системы», поскольку «роль моральной *арете* одинакова для всех политических сообществ, независимо от их системы правления» (Nill 1985, 13).

### Антидемократическая тенденция во взглядах Протагора

В высказываниях Протагора можно обнаружить во многом противоположные взгляды. Данные высказывания прежде всего касаются отношения к народным массам. В диалоге Платона «Протагор» главный собеседник Сократа выступает как с критикой, так и с защитой народа. Недоверие к народ-

ным массам проявляется в следующих высказываниях Протагора. Рассказывая Сократу и всем присутствующим о софистах, Протагор отмечает, что софистическое искусство имеет очень древнее происхождение и многие, кто им занимался, «опасаясь враждебности, которую оно вызывало», тщательно скрывали его (*Prt.* 316 d) (здесь и далее пер. В. С. Соловьева). Но, как говорит Протагор:

«Я же со всеми ними в этом не схож, ибо думаю, что они вовсе не достигли желаемой цели и не укрылись от тех, кто имеет в городах власть, – а только ради них и существуют эти прикрития. Толпа (πολλοί) ведь, попросту говоря, ничего не понимает, и что те затянут, тому и подпевает» (*Prt.* 317 a).

Используя современный язык, можно сказать, что в данном фрагменте Протагор отказывает народу в политической субъектности и самосознании. В другом месте диалога Протагор повторяет данную мысль. В обсуждении вопроса о добродетели, Протагор говорит: «К чему, Сократ, нам обязательно рассматривать мнение людской толпы (τῶν πολλῶν δόξαν ἀνθρώπων), говорящей что попало?» (*Prt.* 353 a). Протагор ставит под сомнение политический и моральный авторитет народа. Согласно философу, по многим вопросам, касающихся морали и общественно-политических отношений, народ сильно заблуждается. Протагор соглашается с Сократом в том, что большинством людей управляет не знание, а страсть (*Prt.* 352 b–d). Протагор неоднократно высказывает мнение о том, что люди глупы и о многом «утверждают неправильно» (*Prt.* 352 e). Как мы видим, Протагор упрекает народные массы в невежестве, в сильной зависимости от господствующих мнений, в неспособности к критическому мышлению. Высказывания подобного рода плохо согласуются с ценностями древнегреческой демократии, одной из которых является большой моральный и политический авторитет народа.

В древнегреческой литературе можно встретить немало примеров негативного отношения к народу. Как правило, авторами подобных взглядов выступают противники демократии. Геродот приписывает крупному государственному деятелю Персии Мегабизу речь, в которой резкой критике подвергается предложение передать верховную власть народу:

«Нет ничего безрассуднее и разнузданнее негодной черни (ὄμιλου). Поэтому недопустимо нам, спасаясь от высокомерия тирана, подпасть под владычество необузданной черни. Ведь тиран по крайней мере знает, что творит, а народ даже и не знает. Откуда же, в самом деле, у народа разум, если он не учен и не имеет никакой врожденной доблести? Очертя голову, подобно [бурному] весеннему

потоку, без смысла и рассуждения, бросается народ к кормилу правления» (*Hdt.* III 81) (здесь и далее пер. Г. А. Стратановского).

Мегабиз предлагает передать верховное правление в руки высшей знати, поскольку «от "лучших" людей, конечно, исходят и лучшие решения [в государственных делах]» (*Hdt.* III 81). Очевидно, что демократическое устройство, согласно его противникам, основано на правлении худших людей, т. е. народа.

Ценным источником, в котором содержится развернутая критика демократии, является «Афинская полития» Псевдо-Ксенофонта. Автор данного текста заявляет:

«Во всякой земле лучший элемент является противником демократии, потому что лучшие люди очень редко допускают бесчинство и несправедливость, но зато самым тщательным образом стараются соблюдать благородные начала, тогда как у народа (δῆμος) – величайшая необразованность, недисциплинированность и низость (ἀμαθία τε πλείστη καὶ ἀταξία καὶ πονηρία)» (*Ath.* I 5) (здесь и далее пер. С. И. Радцига).

Отмечается, что «народ (δῆμος) ведь желает вовсе не прекрасных законов в государстве (οὐκ εὐνομούμενης τῆς πόλεως), когда при этом ему самому придется быть в рабстве, но хочет быть свободным и управлять, а до плохих законов ему мало дела» (*Ath.* I 8). Также весьма показательным является описание Теофрастом сторонника олигархии. Данный персонаж, хоть и в несколько карикатурной форме, высказывает типичные для противников демократии мысли. Сторонник олигархии говорит:

«Нужно нам собраться и между собой обсудить, как избавиться от черни (δῆλου) и от рынка (ἀγορᾶς)»; «Ведь чернь (πλῆθος) неблагодарна и всегда благоволит лишь тому, кто устраивает раздачи и казенные подарки»; «И как же ненавистна нам эта порода народных вожаков (δημαγωγῶν γένος)!» (*Char.* XXVI 3, 5, 6) (здесь пер. Г. А. Стратановского).

Как мы видим, противники демократии упрекают народ в невежестве, изменности и политической некомпетентности. Одним словом, во всем том, в чем упрекает народные массы и Протагор. Следовательно, можно сделать вывод о том, что в критических высказываниях Протагора о народе проявилась тенденция, связанная с антидемократическими настроениями.

В качестве еще одного проявления антидемократических взглядов Протагора может выступать его профессиональная деятельность и связанная с ней

позиция в вопросе об образовании и воспитании. Протагора называют первым философом, который «стал брать за уроки плату в сто мин» (*D.L.* IX 52) (здесь и далее пер. М. Л. Гаспарова). По меркам Древней Греции это была очень большая сумма. Как говорит Сократ, «один Протагор этакой мудростью нажил больше денег, чем Фидий, создавший такие славные и красивые вещи, и еще, десять ваятелей в придачу» (*Men.* 91 d) (здесь пер. С. А. Ошерова). По мнению Протагора, хорошее образование стоит дорого. Протагор признает, что обучение детей грамоте, музыке, гимнастике могут позволить лишь те, «у кого больше возможностей, а больше возможностей у тех, кто богаче (πλουσιώτατοι)» (*Prt.* 326 c). Протагор заявляет, что образование, которое он дает, делает юношей лучше как в частной, так и в общественной жизни. Как говорит Протагор, «этим я заслуживаю взимаемой мною платы, и даже еще большей, по усмотрению моих учеников» (*Prt.* 328 b). Таким образом, Протагора можно считать сторонником элитного образования, направленного прежде всего на подготовку профессиональных политиков.

В рассуждениях Протагора об образовании встречается мысль, которая имеет серьезную антидемократическую направленность. Данная мысль связана с утверждением Протагора о том, что его ученики могут стать лучшими гражданами. На вопрос Протагора о том, с какой целью они к нему пришли, Сократ отвечает, что юноша Гиппократ – житель Афин из уважаемого и состоятельного рода – «стремится стать человеком выдающимся (ἐλλόγιμος) в нашем городе, а это, как он полагает, всего скорее осуществится, если он сблизится с тобою» (*Prt.* 316 c). Протагор одобряет осторожность Сократа в разговоре с ним и заявляет:

«Чужеземцу, который, приезжая в большие города, убеждает там лучших (βελτίστου) из юношей, чтобы они, забросив всех – и родных и чужих, и старших и младших, – проводили время с ним, чтобы благодаря этому стать лучше (βελτίους), нужно быть осторожным в таком деле, потому что из-за этого возникает немало зависти (φθόνοι), неприязни (δυσμένεαι) и всяких наветов» (*Prt.* 316 c–d).

Протагор не устает повторять о том, что он делает своих учеников лучше:

«Юноша, – подхватил Протагор, – вот какая польза будет тебе от общения со мной: в тот же день, как со мной сойдешься, ты уйдешь домой, ставши лучше (βελτίονι), и завтра то же самое; и каждый день будешь ты получать что-нибудь, от чего станешь еще совершеннее (βέλτιον)» (*Prt.* 318 a).

Далее следует вопрос Сократа о том, в чем именно Протагор делает своих учеников лучше. И здесь Протагор делает важное уточнение. Согласно Протагору, он не заставляет своих учеников заниматься бесполезными науками, такими как математика, астрономия, музыка. Его специализация – это политическая наука. При этом Протагор вновь акцентирует внимание на высоком уровне знаний, который он дает своим ученикам. И самое главное – Протагор подчеркивает, что его ученики могут достичь высокого положения в обществе:

«Наука же эта – смышленость в домашних делах, умение наилучшим образом управлять своим домом, – а также в делах общественных (ἄριστα ... περὶ τῶν τῆς πόλεως): благодаря ей можно стать всех сильнее и в поступках, и в речах, касающихся государства (πόλεως δυνατώτατος ἂν εἴη καὶ πράττειν καὶ λέγειν)» (*Prt.* 318 e).

Протагор обещает «делать людей хорошими гражданами (ἀγαθοὺς πολίτας)» и утверждает, что способен обучить искусству «государственного управления (πολιτικὴν τέχνην)» (*Prt.* 319 a). Важно отметить, что Протагор не просто заявляет о том, что его ученики могут стать политиками. Протагор настаивает на том, что его ученики могут обрести большую политическую силу и стать ведущими государственными деятелями.

Как мы видим, политический язык Протагора включает в себя термины, нехарактерные для сторонников демократии. Речь идет о таких терминах, как ἐλλόγιμος, ἄριστος, βέλτιστος. Все эти термины имеют непосредственное отношение к описанию выдающихся качеств человека. Усилия Протагора направлены на воспитание высоких и благородных качеств у юношей. Протагор не скрывает, что он дает такое образование, благодаря которому юноши могут стать могущественными и сильными политиками, усовершенствоваться в политическом искусстве, прославиться в государственных делах. Но одной из особенностей древнегреческой демократии является нетерпимое отношение народа к выдающимся политикам. Сторонники демократии традиционно испытывали недоверие, сильную зависть (φθόνος) и даже вражду (δυσμένεια) к успешным и прославленным государственным деятелям. Это особенно заметно проявилось в Афинах. Данный полис печально прославился такой процедурой как остракизм (ὀστρακισμός). Рассмотрение наиболее известных случаев остракизма дает хорошее представление о тех мотивах, которыми руководствовался афинский народ во время «суда черепков».

Рассказывая об изгнании Фемистокла, Диодор Сицилийский пишет: «Афиняне решили принять этот закон не для того, чтобы наказать зло, но

чтобы ослабить с помощью изгнания тех, кто пользовался огромной властью» (*D.S.* XI 55 3) (здесь пер. В. М. Строгеецкого). Похожие мысли высказывает Плутарх, согласно которому «Фемистокла подвергли остракизму, чтобы уничтожить его авторитет и выдающееся положение (ἀξίωμα καὶ τὴν ὑπεροχὴν)» (*Them.* 22 3) (здесь и далее пер. С. И. Соболевского). Плутарх продолжает:

«Так афиняне обыкновенно поступали со всеми, могущество которых они считали тягостным для себя и не совместимым с демократическим равенством. Остракизм был не наказанием, а средством утишить и уменьшить зависть (φθόνου), которая радуется унижению выдающихся людей и, так сказать, дыша враждой (δυσμένειαν) к ним, подвергает их этому бесчестью» (*Them.* 22 3).

В случае с изгнанием Фемистокла обращает на себя внимание одна важная деталь. Дело в том, что Фемистокл был лидером народной партии в Афинах и одним из главных сторонников демократии в истории Древней Греции. И как мы видим, даже это обстоятельство не спасло его от зависти со стороны афинского народа. Остракизм задумывался как средство, направленное на защиту демократии и борьбу с тиранией. На практике данная процедура стала распространенным способом расправы над неугодными политиками, которые возвысились над народом. Все это свидетельствует о том, что принцип равенства в условиях древнегреческой демократии был не пустым звуком и любой крупный политик должен был следить за своим поведением и стараться не выделяться из народа.

Другой показательный случай – изгнание Аристиды. Как пишет Плутарх, «сойдясь со всех концов страны в город, афиняне подвергли Аристиду остракизму, скрывши ненависть к славе (ὄνομα τῷ φθόνῳ) под именем страха перед тиранией» (*Arist.* 7 2) (здесь и далее пер. С. П. Маркиша). И вновь Плутарх отмечает:

«Остракизм не был наказанием за какой-нибудь низкий поступок; благопристойности ради он назывался “усмирением и обузданием гордыни и чрезмерного могущества”, но по сути дела оказывался средством утишить ненависть, и средством довольно милосердным: чувство недоброжелательства находило себе выход не в чем-либо непоправимом, но лишь в десятилетнем изгнании того, кто это чувство вызвал» (*Arist.* 7 2).

В истории с остракизмом Аристиды примечательно то, что данный государственный деятель прославился исключительной честностью и беско-

рыстным служением отечеству. Однако и он не смог избежать зависти со стороны народных масс. Также интересно то, что Плутарх относится к остракизму с некоторым пониманием. Плутарх в остракизме видит хоть и несовершенный, но тем не менее достаточно «милосердный» способ успокоения народа при демократическом строе.

Еще одним заслуживающим внимания случаем является остракизм Гипербола. Во время политической борьбы между Алкивиадом и Никием этот политик способствовал раздору и настраивал против них народ. Но Алкивиаду и Никию удалось договориться и остракизму был подвергнут сам Гипербол. Как отмечает Плутарх, народ сначала смеялся, «но затем вознегодовал, находя оскорбительным злоупотреблением применять такую меру к человеку бесчестному: ведь и наказанию присуща своего рода честь (ἀξίωμα)» (*Nic.* 11 5) (здесь и далее пер. Т. А. Миллер). Народ рассудил, что остракизм для Гипербола – «почесть и лишний повод к хвастовству, поскольку негодяй испытал ту же участь, что и самые достойные (ἀρίστοις)» (*Nic.* 11 5). На основании этого, по сообщению Плутарха, остракизм в Афинах был отменен. Хорошо видно, что при демократии особое раздражение у народа вызывали именно выдающиеся государственные деятели. Об этом прямо говорится также у Аристотеля:

«Государства с демократическим устройством (δημοκρατούμεναι πόλεις) устанавливают у себя остракизм (ὀστρακισμὸν): по-видимому, стремясь к всеобщему равенству (ισότητά μάλιστα), они подвергали остракизму и изгоняли на определенный срок тех, кто, как казалось, выдавался своим могуществом (ὑπερέχειν δυνάμει)» (*Pol.* III 1284a 17–22) (здесь и далее пер. С. А. Жебелева).

Возвращаясь к Протагору следует сказать, что его заявление о воспитании и подготовке видных государственных деятелей выглядит во многом несоответствующим ценностям древнегреческой демократии. Протагор открыто предлагает свои услуги в деле, которое вызывает острое недовольство у демократически настроенных граждан. Показательно, что Протагор признает, что его деятельность вызывает сильную зависть и недовольство у людей. Протагор понимает, что народ не испытывает теплых чувств к тем, кто сильно выделяется своими качествами или положением. И хотя он не связывает подобное отношение с конкретным государственным строем, у нас имеются все основания полагать, что его деятельность по подготовке видных политиков во многом носила антидемократический характер. Как мы показали, именно в условиях демократии наблюдалось наименее терпимое отношение к таким политикам, на воспитание которых были направлены усилия Протагора.

### Демократическая тенденция во взглядах Протагора

Вместе с тем, Протагору приписывается рассуждение, которое традиционно рассматривается в качестве важного аргумента в пользу демократии. Сократ высказывает мнение, согласно которому политическому искусству нельзя научиться. В своей аргументации Сократ ссылается на наблюдения за Народным собранием (ἐκκλησία) в Афинах. Сократ говорит:

«Когда соберемся мы в Народном собрании, то, если городу нужно что-нибудь делать по части строений, мы призываем в советники по делам строительства зодчих, если же по корабельной части, то корабельщиков, и так во всем том, чему, по мнению афинян, можно учиться и учить» (*Prt.* 319 b–c).

При этом совет любого другого человека, которого не считают мастером, будет отвергнут, а сам он будет поднят на смех. Однако, ситуация кардинально меняется, если речь заходит об управлении городом. Сократ говорит:

«Тут всякий, вставши, подает совет, будь то плотник, медник, сапожник, купец, судовладелец, богатый, бедняк, благородный, безродный, и никто его не укоряет, как того, что, не получив никаких знаний, не имея учителя, такой человек решается все же выступить со своим советом» (*Prt.* 319 d).

Сократ заключает, что афиняне так поступают потому, что политическому искусству обучить нельзя.

Протагор возражает Сократу и рассказывает миф о происхождении человека. Когда боги создали человека, Зевс, наблюдая за разобщенностью людей, отправил Гермеса «ввести среди людей стыд и правду (αἰδῶ τε καὶ δίκην), чтобы они служили украшением городов и дружественной связью» (*Prt.* 322 c). При этом Зевс установил, чтобы все люди были причастны стыду и правде: «Не бывать государствам, если только немногие будут этим владеть, как владеют обычно искусствами. И закон положи от меня, чтобы всякого, кто не может быть причастным стыду и правде, убивать как язву общества» (*Prt.* 322 d). Согласно Протагору, по этой причине афиняне, как и все остальные люди правильно поступают, когда при обсуждении отдельных ремесел слушают мастеров и не слушают тех, кто ими не является. В случае с политическим искусством дело обстоит иначе:

«Когда же они приступают к совещанию по части гражданской добродетели (πολιτικῆς ἀρετῆς), где все дело в справедливости и рассудительности (δικαιοσύνης

καὶ σωφροσύνης), тут они слушают, как и следует, совета всякого человека, так как всякому подобает быть причастным к этой добродетели, а иначе не бывать государством» (*Prt.* 322 e – 323 a).

В качестве аргумента в пользу причастности всех людей к политической добродетели Протагор приводит еще одно рассуждение. Как полагает Протагор, если кто-либо припишет себе мастерство в искусстве, которым не обладает, то вызовет лишь насмешку или негодование. Если же несправедливый человек будет открыто говорить о себе правду, то все сочтут его безумцем, «ведь считается, что каждый, каков бы он ни был на самом деле, должен провозглашать себя справедливым, а кто не прикидывается справедливым, тот не в своем уме» (*Prt.* 323 b). Данные аргументы приводят Протагора к выводу о том, что политическая практика, сложившаяся в Афинах, является справедливой и обоснованной: «Итак, Сократ, мне кажется, я достаточно ясно показал тебе, что твои сограждане не без основания выслушивают советы по общественным вопросам и от медника, и от сапожника (καὶ χαλκῆως καὶ σκυτοτόμου συμβουλευόντος τὰ πολιτικά)» (*Prt.* 324 c).

Как мы видим, Протагор отстаивает положение об участии всех граждан в политической жизни государства. Важно подчеркнуть, что, согласно Протагору, в обсуждении политических вопросов имеют полное право участвовать все граждане независимо от происхождения и социального положения. Неслучайно в диалоге между Сократом и Протагором неоднократно упоминаются представители наименее привилегированной группы граждан – ремесленники. Стоит упомянуть, что некоторые античные философы отказывали ремесленникам в праве участия в государственных делах. Так, в идеальном государстве Аристотеля ремесленники лишены гражданских прав на основании того, что их деятельность не связана с добродетелью (*Pol.* VII 1329a 20–25). Протагор же настаивает на том, что даже кузнецы (χαλκεύς) и сапожники (σκυτοτομικός) имеют право выступать в Народном собрании и участвовать в политической деятельности. Мы полагаем, что в условиях Древней Греции подобные взгляды могли свидетельствовать о приверженности демократии. В своих рассуждениях о причастности всех граждан политической добродетели, Протагор отстаивает такую важнейшую ценность древнегреческой демократии, как равенство.

О том, что равенство является одним из основополагающих принципов демократии, говорят многие греческие авторы. В одной из речей Исократ говорит о том, что «несправедливо ... считать, что бедняки хуже тех, у кого много имущества» (*Isoc.* XX 19) (здесь и далее пер. Ю. В. Андреева). И далее: «Было бы ужаснее всего, если бы в демократическом государстве не все

имели одинаковые права» (*Isoc.* XX 20). Согласно Аристотелю, равенство является не только важнейшим признаком демократии, но и «характерным отличием так называемого первого вида демократии» (*Pol.* IV 1291b 30–31). Характеризуя данный вид демократии, Аристотель говорит: «Равенство же, гласит основной закон этой демократии, состоит в том, что ни неимущие, ни состоятельные не имеют ни в чем каких-либо преимуществ; верховная власть не сосредоточена в руках тех или других, но те и другие равны» (*Pol.* IV 1291b 31–34). О демократическом строе, при котором «существует своеобразное равенство – уравнивающее равных и неравных» говорится у Платона (*R.* VIII 558 с) (здесь пер. А. Н. Егунова). Таким образом, слова Протагора в поддержку политического равноправия не оставляют сомнений в их демократической ориентации.

На демократические предпочтения Протагора могут косвенно указывать биографические сведения. Античная традиция связывает Протагора с Периклом. Плутарх передает, что Перикл любил вести философские разговоры с софистами, в частности с Протагором. Якобы, однажды Перикл «потратил целый день, рассуждая с Протагором о том, кого, по существу, следует считать виновником» несчастного случая – «дрот, или бросавшего, или распорядителей состязания» (*Per.* 36 3) (здесь пер. С. И. Соболевского). Перикл был не только стратегом и крупнейшим государственным деятелем Афин, но и лидером демократической партии. На протяжении всей своей долгой политической карьеры Перикл был вождем афинской демократии и противником олигархии. Отдельного внимания заслуживает сообщение Гераклида Понтийского о том, что Протагор «написал законы фурийцам» (*D.L.* IX 50). По сообщению же Диодора Сицилийского, при основании Фурий, в городе установили «демократическую форму правления (πολιτεύμα δημοκρατικόν)» (*D.S.* XII 11 3) (здесь пер. мой). Впрочем, в качестве законодателя Фурий Диодор Сицилийский называет Харонда. Если учесть, что основание Фурий было инициативой Перикла, то версия об участии Протагора в законодательстве новой колонии выглядит вполне правдоподобной.

### Заключение

К сожалению, мы не располагаем надежными сведениями о политических взглядах Протагора. К существующим в нашем распоряжении диалогам Платона, как известно, следует относиться с известной степенью осторожности. Тем не менее, если отталкиваться от предположения о достоверности сообщаемых в них сведений, то можно сделать следующие выводы. Как мы установили, в политических взглядах Протагора отчетливо просматриваются две

противоположные тенденции – демократическая и антидемократическая. Демократическая тенденция связана с высказываниями Протагора о политической добродетели, а также с его близким общением с Периклом и возможным участием в законодательстве Фурий. Протагору приписывается речь, в которой аргументированно отстаивается положение о причастности всех людей стыду и правде. На этом основании Протагор делает вывод о том, что все граждане имеют право высказывать свое мнение по политическим вопросам и участвовать в государственных делах. При этом особый акцент Протагор делает на праве участия в политической жизни полиса представителей наименее привилегированной части народа – ремесленников. Тем самым Протагор дает теоретическое обоснование одному из важнейших демократических принципов – политическому равенству. Антидемократическая тенденция проявилась в отдельных неуважительных высказываниях Протагора о народных массах и в его профессиональной деятельности, направленной на воспитание видных государственных деятелей. Протагор в ряде высказываний выражает сомнение в политическом и моральном авторитете народа. Протагор упрекает народ в невежестве и в сильной зависимости от господствующих мнений. Протагору принадлежат слова о том, что народом управляет не знание, а страсть. Антидемократический характер носят также заявления Протагора о том, что он занимается воспитанием и подготовкой профессиональных политиков. Данная деятельность слабо сочеталась с демократическим равенством, которое проявлялось в зависти и неприязни народа ко всем возвышающимся над ним государственным деятелям.

#### Источники

- Аристотель. Политика. Пер. С. А. Жебелева. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. Общ. ред. А. И. Доватура. Москва, 1983.
- Геродот. История в девяти книгах. Пер. Г. А. Стратановского. Под ред. С. Л. Утченко. Ленинград, 1972.
- Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Пер. М. Л. Гаспарова. 2-е изд. Москва, 1986.
- Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Перевод и комментарий отдельных глав XI–XII книг. Пер. В. М. Строгеецкого. Строгеецкий, В. М. Полис и империя в классической Греции: Учебное пособие. Н. Новгород, 1991.
- Исократ. Против Лохита. Пер. Ю. В. Андреева. Исократ. Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи. Издание подготовил Э. Д. Фролов. Москва, 2013.

- Ксенофонт. Афинская полития. Пер. С. И. Радцига. Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян. Второе издание. Пер. и прим. С. И. Радцига. Москва, 1937.
- Платон. Государство. Пер. А. Н. Егунова. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1. Под ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Санкт-Петербург, 2007.
- Платон. Менон. Пер. С. А. Ошерова. Сочинения в четырех томах. Т. 1. Под ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Санкт-Петербург, 2006.
- Платон. Протагор. Пер. В. С. Соловьева. Сочинения в четырех томах. Т. 1. Под ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Санкт-Петербург, 2006.
- Плутарх. Аристид. Пер. С. П. Маркиша. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2-х т. Т. 1. Издание подготовили С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. Москва, 1994.
- Плутарх. Никий. Пер. Т. А. Миллер. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2-х т. Т. 1. Издание подготовили С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. Москва, 1994.
- Плутарх. Перикл. Пер. С. И. Соболевского. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2-х т. Т. 1. Издание подготовили С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. Москва, 1994.
- Плутарх. Фемистокл. Пер. С. И. Соболевского. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2-х т. Т. 1. Издание подготовили С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. Москва, 1994.
- Феофраст. Характеры. Пер. Г. А. Стратановского. Ленинград, 1974.
- Diodorus of Sicily in twelve volumes. Vol. IV. Books IX-XII 40. With an English Translation by C. H. Oldfather. Cambridge, Massachusetts. Harvard University Press, 1946.

## БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Berger, A. K. (1966) *Политическая мысль древнегреческой демократии*. Москва: Наука.
- Нерсисянц, В. С. (1979) *Политические учения Древней Греции*. Москва: Наука.
- Balot, R. K. (2006) *Greek Political Thought*. Blackwell Publishing.
- Bartlett, R. C. (2016) *Sophistry and Political Philosophy. Protagoras' Challenge to Socrates*. The University of Chicago Press.
- Farrar, C. (1988) *The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens*. Cambridge University Press.
- Kerferd, G. B. (1981) *The sophistic movement*. Cambridge University Press.
- Nicholson, P. P. (1981) "Protagoras and the Justification of Athenian Democracy," *Polis: The Journal for Ancient Greek and Roman Political Thought*, 3 (2), 14–24.
- Nil, M. (1985) *Morality and Self-Interest in Protagoras, Antiphon and Democritus*. Leiden, E. J. Brill.
- Rosen, F. (1994). "Did Protagoras Justify Democracy?" *Polis: The Journal for Ancient Greek and Roman Political Thought* 13 (1-2), 12–30.
- Sinclair, T. A. (1967) *A History of Greek Political Thought*. Routledge.

*References in Russian:*

- Berger, A. K. (1966) Politicheskaya mysl' drevnegrecheskoj demokratii. M.: Nauka.  
Nersesyanc, V. S. (1979) Politicheskie ucheniya Drevnej Grecii. M.: Nauka.